

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГ А. С. ЗАПЕСОЦКОГО «ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ КУЛЬТУРОЛОГ» И «ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ: МНОГОГРАННОСТЬ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ» В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

18 января 2007 года

Дорогие друзья, коллеги, гости. Сегодня у нас есть очень приятный повод, для того чтобы поговорить о новых книгах, посвященных академику Дмитрию Лихачеву. Две книги, представляемые сегодня — «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог» и «Дмитрий Лихачев: многогранность научного наследия», подготовлены одним из известных российских ученых, Заслуженным деятелем науки Российской Федерации, профессором, доктором культурологии Александром Сергеевичем Запесоцким. И то, что эти книги представляются в стенах Российской Национальной библиотеки — закономерно. Не только потому, что Дмитрий Сергеевич Лихачев все долгие годы своей работы и как филолог, и как литературовед, и как поборник российской культуры был тесно связан с Российской Национальной библиотекой, но и в силу того обстоятельства, что среди всего многообразия научных и человеческих, гражданских интересов академика Лихачева библиотеки занимали важное место.

Для нас принципиально важно, что в первой половине 1990-х годов Дмитрий Сергеевич Лихачев уделял особенно большое внимание библиотекам. Это было очень трудное для всей российской культуры время, но именно тогда прозвучал голос Дмитрия Сергеевича в ее защиту и вышел целый ряд его статей, посвященных проблемам развития, поддержки, сохранения российских библиотек. Эти работы получили широкое признание общественности. Дмитрий Сергеевич всем нам дорог многогранностью своих интересов. Сегодня для нас становится все более очевидным, в том числе благодаря работам Александра Сергеевича Запесоцкого, что академик Лихачев является основателем такой новой научной дисциплины, как российская культурология.

Принципиально важно для нас и то, что благодаря инициативе двух известных ученых, Дмитрия Сергеевича Лихачева и Александра Сергеевича Запесоцкого, в начале 1990-х годов была подготовлена «Декларация прав культуры» — документ, который по разным причинам не получил легитимного признания в России, но тем не менее приобрел широкое общественное значение. Он важен для нас и сегодня. Эта деятельность академика Лихачева, как и многое другое, отражена в двух новых представляемых сегодня изданиях. И я с огромным удовольствием передаю слово автору этих книг — Александру Сергеевичу Запесоцкому, ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктору культурологических наук, профессору, члену-корреспонденту РАО, председателю Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, Заслуженному деятелю науки РФ, Заслуженному артисту РФ.

Владимир Руфимович Фирсов, заместитель Генерального директора РНБ по научной работе, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель наук РФ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо большое за прекрасную рекомендацию нашим работам и за возможность встретиться в стенах Российской Национальной библиотеки. Очень приятно, когда книга вызывает такой интерес, что в зале, где проходит ее презентация, не хватает мест. Благодарю всех, кто пришел сегодня сюда, и крупных маститых петербургских ученых, которые откликнулись на наше приглашение, и руководителей крупных учреждений культуры, музеев, педагогическую общественность, моих коллег по Университету и других участников. И, конечно, особенно приятно видеть здесь такое большое количество молодежи, студентов (в том числе нашего Гуманитарного университета профсоюзов) и школьников. Это очень радует.

Мне хотелось бы не только представить новые книги об академике Лихачеве, но и поднять общие, актуальные и по сей день вопросы, волновавшие нашего знаменитого соотечественника. И в первую очередь должен сказать, что я не единоличный автор представляемых книг, и чуть позже предоставлю слово своим коллегам-соавторам.

Я познакомился с Дмитрием Сергеевичем, когда мне было 38 лет, и на самом деле я к этой встрече не был полностью готов. Меня, молодого доцента, только назначили руководить Университетом, и сферой моих научных интересов была педагогика и молодежная культура, неформальные движения молодежи, и я, конечно, не мог оценить по достоинству все возможности общения с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, которые судьба предоставила мне. Впервые Дмитрий Сергеевич появился у нас в Университете где-то в конце 1992 года. В 1993 году, обстоятельно познакомившись с нашей работой, он стал нашим Почетным доктором. В дальнейшем мы имели счастье организовать целый ряд мероприятий с участием Дмитрия Сергеевича, и прежде всего связанных с деятельностью Конгресса Петербургской интеллигенции, который мы создали по предложению Даниила Александровича Гранина. В середине и во второй половине 1990-х годов в Петербурге прошел целый цикл мероприятий, в которых участвовали крупнейшие интеллектуалы той поры — не только Дмитрий Сергеевич Лихачев, но и многие крупные ученые, мыслители Москвы и Петербурга. Все это было отображено в различных сборниках, которые мы выпустили. После ухода Дмитрия Сергеевича жизнь вошла в какое-то иное русло.

Накануне 100-летия академика Лихачева в нашем Университете собрались его многочисленные последователи и почитатели: ведущая профессура Университета, те люди, кто с ним работал, и те, кто с огромным уважением относился к его трудам. В нашем Университете под его руководством был создан проект «Декларации прав культуры» и целый ряд других интересных вещей. Эти идеи привлекли к нам новых людей, мыслящих по-иному, и в Университете сложился коллектив новой профессуры. Наше общее желание достойно отметить 100-летие выдающегося ученого вылилось в идею создать две новые книги о Дмитрие Сергеевиче, освещающие его творчество и сотрудничество с нашим Университетом. Конечно, мы не хотели дублировать работу Пушкинского Дома в этом направлении. Практически вся биография академика связана с этим центральным научным учреждением

страны. Именно здесь происходит изучение наследия Лихачева, и уровень этих изданий невероятно высок. Поэтому мы решили сделать нечто свое, дополняющее деятельность Пушкинского Дома, — осветить наше сотрудничество с академиком Лихачевым. Мы решили собрать вместе работы Лихачева о культуре и издать их, поскольку именно в сфере культуры и научного осмысления происходящих в ней процессов Дмитрий Сергеевич и сотрудничал с нашим Университетом в 1990-е годы до самого момента своего ухода из жизни. Собственно, для этого он и пришел к нам, поскольку именно здесь проводятся междисциплинарные, комплексные исследования различных процессов. Должен сказать, в нашем Университете — сильная, одна из лучших в городе кафедра культурологии, и поэтому, наверное, вполне логично, что Дмитрий Сергеевич пришел к нам. Благодаря этому бесценному опыту сотрудничества мы получили возможность издать представляемый сегодня сборник.

Наше второе издание — «Дмитрий Лихачев: многогранность научного наследия», посвящено 100-летию академика Лихачева. Оно также является сборником. Мы собрали разрозненные выступления и лекции Дмитрия Сергеевича, прочитанные в СПбГУП, и объединили их в одну книгу. Это 16 текстов Дмитрия Сергеевича Лихачева, связанных с нашим Университетом. Часть из них уже была издана в различных сборниках за разные годы. Однако некоторые работы, включенные в эту книгу, никогда ранее не публиковались. Это различные интервью, устные высказывания Дмитрия Сергеевича, прозвучавшие в стенах нашего Университета, которые записывались на видео или на магнитофонную ленту, и т. п. Наверное, 16 работ это немного, но для нас они бесценны.

В книге «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог» собраны все публикации Лихачева, в том числе целый ряд посмертных изданий его работ, которых вместе с интернет-ресурсами и кино-, фотоматериалами набралось довольно большое количество. Собственных публикаций Дмитрия Сергеевича — 1337, в том числе 16 текстов, имеющих непосредственную связь

с нашим Университетом. В чем же ценность этих 16 текстов? По сути дела, это работы, которыми Дмитрий Сергеевич подводит, если хотите, некоторые итоги своей жизни. Не в том смысле, что он обобщает все, что было им сделано, а в том, что это были практически последние его работы или высказывания, когда за плечами — огромный жизненный путь. В этом понимании огромная ценность издаваемых нами последних работ и выступлений Дмитрия Сергеевича, на мой взгляд, несомненна.

Кроме того, когда в процессе подготовки издания мы собрали все работы Дмитрия Сергеевича о культуре, то поняли, что в результате простого суммирования, сведения в один сборник, они раскрываются по-иному, получают некое новое качество, которое нуждается в осмыслении.

Общепризнанно, что Дмитрий Сергеевич был одним из крупнейших отечественных литературоведов, но теперь он рассматривается нами и как историк культуры. Поскольку для нас уже несомненно, что для осмысления древних рукописей необходимо ввести их в определенный культурный контекст.

Современным писателям, конечно, проще: мы хорошо знаем тот культурный контекст эпохи, в которой живем. Хорошо изучены также и петровское и послепетровское времена. А с древними рукописями все гораздо сложнее, очень мало сведений о том периоде, и культурный контекст не всегда ясен. Иногда для того чтобы понять, что имеют в виду авторы этих древних текстов, надо сопоставить описываемое ими с тем, что делалось в искусстве того времени, в зодчестве, политике и т. д. Поэтому в своих исследованиях Дмитрию Сергеевичу пришлось выстраивать так называемые параллельные ряды в различных сферах культуры, для того чтобы лучше понять и раскрыть значение древних русских рукописей.

Собрав все работы Дмитрия Сергеевича о культуре в один сборник, мы смогли обозреть таким образом целый самостоятельный пласт его наследия и поняли, что его вклад не только в историю культуры, но и в теорию культуры чрезвычайно значителен. Думаю, что даже не беря в расчет все его

литературоведческие труды, Лихачев мог бы стать академиком Российской Академии наук за работы, посвященные только русской культуре. Разумеется, нельзя отрывать одно от другого, и Дмитрий Сергеевич пришел к работам о культуре через исследования литературы.

Если мы посмотрим, что же в стране и в мире издается сейчас по данной проблематике, то обнаружим, что самая интересная, хотя и небольшая публикация в этой сфере принадлежит британскому слависту, профессору Шеффилдского университета Робину Милнеру-Гулланду. В этой работе автор отдает должное Лихачеву-культурологу. Обидно, но это факт, что до сих пор в российской науке, в российской культурологии так мало внимания уделяется анализу культурологического наследия Дмитрия Сергеевича.

Таким образом, выпустив к юбилею Дмитрия Сергеевича Лихачева ряд его работ, посвященных проблемам культуры и русской интеллигенции, которые объединили их в два сборника, мы почувствовали необходимость научного осмысления того, что происходило. Конечно, хотелось успеть выпустить эти работы именно к 100-летию Дмитрия Сергеевича. Одна из представляемых нами сегодня книг называется «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог», вторая — «Дмитрий Лихачев: многогранность научного наследия». Оба издания, как уже говорилось, посвящены исследованиям ученого по русской культуре, но у них разные цели. «Многогранность научного наследия» — это брошюра, практическое пособие для студентов I курса нашего Университета, которая вышла пятитысячным тиражом. Она будет полезна и школьникам, потому что материал здесь дается автором в упрощенном виде, достаточно популярно. Она написана очень простым языком, без сложных терминов.

Издана книга, конечно, с применением методологии современной науки и техники. В подготовке ее к изданию приняло участие большое количество специалистов. В первую очередь хочу отметить огромную работу библиографов Университета. На мой взгляд, приложение библиографии работ Дмитрия Сергеевича Лихачева выполнено на высоком уровне, хотя и в очень

короткий срок, и это уже, на мой взгляд, совершенно бесценный материал. Перечень работ Дмитрия Сергеевича, включающий все издания на конец 2006 года, содержит 1337 наименований. Это открывает новый простор для исследователей наследия академика, дает возможность проработать отдельные его аспекты или, наоборот, сделать некие обобщения.

Мы воспринимаем эту книгу как своего рода пилотный проект. Мы ни на чем не настаиваем, ничего не говорим категорично, наоборот, эта книга — приглашение к дискуссии. Поэтому мне очень приятно видеть здесь моих коллег по научному цеху, со многими из них мы сегодня видимся впервые, но знаем друг друга по научным работам. Я считаю, что данное издание только начало какого-то нового этапа в осмыслении научного наследия работ Дмитрия Сергеевича. Может быть, это пусть и небольшой, но новый шаг в развитии нашей отечественной культурологии. Думаю, что у этой науки впереди еще много открытий.

Наша книга трудов Дмитрия Сергеевича о культуре готовилась к изданию практически одновременно с написанием многочисленных научных статей, посвященных Лихачеву, которые вышли сейчас и в журналах Российской Академии наук, и в публицистических изданиях. И, конечно, в определенной степени — это продукт той культурной среды, которая существует у нас в Университете. В соавторстве со многими присутствующими здесь коллегами выполнен целый ряд разделов изданного нами сборника научных трудов. Но сейчас эта работа уже пошла дальше, и мы готовим в издательстве «Наука» (думаю, что, может быть, к 24 мая — Дню славянской письменности — выйдет) книгу, примерно раза в полтора больше первой. От чего-то малозначительного мы в ней, может быть, и откажемся, а что-то существенное дополним.

Мы уже видим, какие аспекты были мало отражены в первой книге. И поскольку это действительно живой процесс, появятся и другие работы, то мне кажется очень важным, чтобы присутствующие здесь коллеги высказали свои замечания и пожелания. Я прошу не стесняться. В научном мире иногда болезненно относятся к критике или к несогласиям, но мы любую критику или

замечания и пожелания готовы воспринять с удовольствием и радостью. Самое важное для нас, чтобы общее дело двигалось вперед. Поэтому я очень прошу наших гостей сегодня высказать свое мнение. Можно направить и письменные замечания и предложения, если будет желание высказаться развернуто, потому что материалы сегодняшней дискуссии также будут опубликованы вместе с другими.

Так, например, уже состоялась дискуссия в магазине «Буквоед», где был целый ряд очень интересных обсуждений. В ближайшее время в Музее Анны Ахматовой пройдет еще одна дискуссия, но она, скорее всего, будет иметь более узкие тематические рамки, ограниченные темой «Лихачев и Гумилев», поскольку Музей Анны Ахматовой — это в первую очередь наследие Ахматовой и Гумилевых. Материалы этих трех дискуссий, вполне возможно, будут сведены в одну брошюру вместе с вопросами из зала и ответами выступающих.

У нас есть специальная серия — «Дискуссионный клуб Университета», в рамках которой мы издаем подобные вещи, пусть и небольшими тиражами — 1000–1500 экземпляров, но все же это определенная и, как мне кажется, важная форма научной жизни. Поэтому прошу: задавайте вопросы, присылайте записки, мы с удовольствием будем предоставлять слово всем желающим выступить в дискуссии.

Как я уже упоминал, в издании наших книг приняли участие многие мои коллеги, и я хотел бы представить их.

Татьяна Ефимовна Шехтер, заведующая кафедрой искусствоведения в нашем Университете, профессор, доктор философских наук. Татьяна Ефимовна выполнила вместе со мной один из разделов данной книги, связанный с взглядами на теорию и историю искусства. Сейчас мы с Татьяной Ефимовной подготовили и дорабатываем еще несколько фрагментов для будущей книги на ту же тему.

Юрий Владимирович Зобнин, заведующий кафедрой литературы и русского языка нашего Университета, профессор, доктор филологии.

Совместно с Юрием Владимировичем написан раздел «Лихачев и Гумилев: спор о евразийстве». Сейчас для будущей книги мы также готовим ряд новых публикаций. Юрий Владимирович пришел в наш Университет по рекомендации лично Дмитрия Сергеевича Лихачева. Это было более 10 лет тому назад, в 1993 году. Тогда Юрию Владимировичу было 26 лет, но поскольку это была рекомендация Лихачева, мы сразу же назначили его заведующим кафедрой литературы, и не ошиблись, как показало время. Уже сегодня Юрий Владимирович признан одним из крупнейших специалистов по литературе периода Серебряного века, редактирует академические собрания сочинений и многое другое.

Лев Абрамович Санкин, первый проректор Университета, профессор, человек, который в нашем вузе работает 45 лет. Совместно с Львом Абрамовичем в нашем сборнике создан раздел «Дмитрий Лихачев — имя университетское».

Наконец, мой однофамилец, Юрий Александрович Запесоцкий, молодой преподаватель. Закончил наш Университет и теперь первый год преподает у нас на кафедре рекламы и связей с общественностью. Ему показалась очень интересной тема, связанная с мифом, который, по мнению Дмитрия Сергеевича Лихачева, создал о себе Петр I. Юрий Александрович написал небольшой раздел «Образ России как культурная доминанта петровских времен», где с позиции уже современных пиаровских технологий пытается осмыслить взгляд Дмитрия Сергеевича Лихачева на деятельность Петра I в области общественных связей. Мне кажется, что это интересно. Современные взгляды тоже могут иметь место в подобном сборнике трудов.

После представления моих коллег и соавторов я обещал предоставить им возможность высказаться. Слово Татьяне Ефимовне Шехтер.

Т. Е. ШЕХТЕР: — Мы с Александром Сергеевичем Запесоцким готовили раздел, посвященный взглядам Лихачева на теорию и историю искусства. И это крайне интересный момент, который может развиваться до бесконечности и

даже вылиться в отдельную монографию. Сегодня, на этапе постмодернистического развития научной литературы, вопрос теории и истории искусства очень актуален. Дмитрий Сергеевич Лихачев для работы с этим материалом создал свой, совершенно новый научно-концептуальный метод, новый творческий подход.

Дмитрий Сергеевич обратил внимание на три позиции, которые, казалось, были отработаны постмодернизмом и им же «заражены», если позволительно такое выражение. Эти три положения Лихачев одухотворяет совершенно новым смыслом, потому что говорить о современном искусстве можно, опираясь только на них. Из этих трех позиций формируется его метод. Это прежде всего эволюционизм, который дает совершенно новое прочтение эволюционности не как цепной реакции в искусстве, а как процесса, ведущего к постоянному креативному обновлению, избегая революционных скачков. Лихачев формирует совершенно новое отношение к национальной традиции и впервые в искусствоведческой культурологической литературе рассматривает ее как бы с двух сторон. Это традиция как продолжение старого, как продолжение своего естества, и традиция как умение (в тех случаях, когда это необходимо) отказаться от собственных устоев, перейти к тому универсализму, который делает культуру столь многогранной. Единство всех трех позиций складывается в концептуальный метод, который лежит в основе всех исследований Дмитрия Сергеевича.

Я специально, именно с этой точки зрения, еще раз перечитала изданную нами книгу и убедилась, что данный метод работает везде — очень мягко, своеобразно, ненавязчиво. Когда все работы Лихачева о культуре прочитываешь под новым углом зрения, то становится ясно, что это — открытие в современной культурологии. Наша же задача — сделать его более доступным для большинства читателей, потому что сам Дмитрий Сергеевич предъявлял свой метод чрезвычайно скромно, хотя и понимал всю его важность. Этот новый концептуально-научный теоретический метод открывает

нам совершенно неисследованные подходы к тем процессам, которые на сегодняшний день являются актуальными в искусствоведении.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Татьяна Ефимовна. Слово предоставляется Льву Абрамовичу Санкину.

Л. А. САНКИН: — Все годы существования нашего Университета связаны с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, с его именем, идеями и деятельностью. Для нас было очень важно то, что в период утери идеалов, крушения тех ценностей, которые существовали в обществе, Дмитрий Сергеевич помог сформулировать для нашего Университета новые, отвечающие современным требованиям ценности. И в этом смысле личность и творчество ученого оказались для нас чрезвычайно значимыми. Мы попытались вместе с Дмитрием Сергеевичем осмыслить его педагогические идеи как педагогическое творчество и применить их к педагогической деятельности Университета.

В книге, изданной нами, ставится вопрос о педагогическом наследии Дмитрия Сергеевича Лихачева. Это очень интересная тема, ибо он не писал педагогических трудов. Но педагогические концепции, изложенные Дмитрием Сергеевичем в его работах, являются чрезвычайно важными и для формирования новых педагогических целей, и для воспитания, и для переосмысления педагогической системы в целом. Именно благодаря Лихачеву в Университете возникла определенная атмосфера — атмосфера формирования черт российского интеллигента в сознании, поведении студентов Университета, то есть создания уникальной университетской среды. И именно благодаря идеям Дмитрия Сергеевича Лихачева Университет развил новую современную культуроцентристскую концепцию воспитания и провел значительный эксперимент, который был высоко оценен Российской Академией образования, избравшей наш Университет в качестве своей площадки.

Нам представляется, что те проблемы педагогического наследия Лихачева, которые затронуты в представляемой сегодня книге, могут стать интересным началом для серьезных и глубоких педагогических исследований.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Юрию Владимировичу Зобнину.

Ю. В. ЗОБНИН: — В той работе, которая развернулась вокруг наследия Лихачева в юбилейный год в нашем Университете, у меня была достаточно любопытная миссия, поскольку ваш покорный слуга и Александр Сергеевич Запесоцкий попытались осмыслить сопоставление и в хронологии, и в терминологии двух величайших даже не «ученых», а духовных лидеров минувшей эпохи. Потому что Лев Николаевич Гумилев и Дмитрий Сергеевич Лихачев были не просто индивидуальными явлениями в истории науки, в истории русской общественной мысли, но они были символами, знаменую, если угодно, две тенденции в развитии российской и научной общественной мысли.

Поэтому сопоставление Дмитрия Лихачева и Льва Гумилева естественным образом вытекало из поставленной нами задачи показать Дмитрия Сергеевича не только как филолога и культуролога, но и как общественного деятеля. Без этой темы книга была бы просто неполной.

И когда ты начинаешь вникать в те формулы, которые кажутся естественными, когда происходит процесс герменевтического вчитывания в тексты, то вдруг оказывается, что возникает совершенно новый смысл или даже смыслы. Нечто похожее произошло и при исследовании данной тематики — при сопоставлении взглядов Льва Николаевича и Дмитрия Сергеевича, при том что их позиции были различны. В расхожем понимании имя Дмитрия Сергеевича Лихачева ассоциируется с современным западничеством, а имя Льва Николаевича Гумилева — с современным евразийством, которое воспринимается именно как славянофильство. То есть здесь изначально подразумевалось некое противопоставление. А между тем оказалось, что в

главной, основной точке своих размышлений они соприкасаются. Я говорю об оценке и тем, и другим XIII–XV веков истории России. То, что Лев Николаевич Гумилев не воспринимал монголо-татарское нашествие собственно как иго, знают все, и «Черную легенду» читали, я думаю, все. В общем это хорошо известный скандальный тезис Льва Николаевича. Но мало кто знает, что это же время и Дмитрий Сергеевич Лихачев не воспринимал как национальное поражение, как разрушение предшествующей цивилизации, что и для него монгольское иго (по крайней мере в том виде, в котором оно представляется сейчас расхожему сознанию) было мифом, легендой. Это действительно интересно. Ведь если не существовало этой дискретности в историческом развитии России, то и сама логика этого развития представляется иной. И тот, и другой ученый полностью сходятся в оценке деятельности Петра Великого. И Лихачев, и Гумилев почти одними словами говорят о том, что представление об эпохе Петра как о времени качественного поворота России от Востока к Западу, когда Россия в перешла с азиатского на европейский путь развития, — это фикция. На самом деле никакой трансформации исторического движения в то время не было, — произошла лишь интенсификация этого движения. Петр I был очень активен, поэтому процесс исторического бытия приобрел очень сильную внутреннюю динамику и, соответственно, своего рода внешнюю «стильность». Я намеренно не пытаюсь изложить все выводы, к которым мы пришли, но поверьте мне, они оригинальны. Задача выступающего на презентации книги — заинтриговать потенциального читателя. И если мне это удалось, моя миссия выполнена.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Юрий Владимирович. Начали поступать первые записки. Вопрос одного из студентов (он забыл представиться) звучит следующим образом: «Скажите, пожалуйста, почему Вы назвали Вашего сына своим однофамильцем. Я понимаю, что он носит Вашу фамилию, но все же?»

Должен признаться, что испытываю некоторые комплексы, как и мой сын, из-за того, что его небольшой раздел появился в этой работе. Всегда есть определенная боязнь создать у ученого сообщества впечатление, что ты «втаскиваешь» своего сына в науку следом за собой. Эта боязнь и обусловила особые трудности для него в годы учебы в нашем Университете и в дальнейшей преподавательской деятельности, поскольку он под особым контролем. Сегодня у меня тоже было сомнение, должен ли он сидеть в этом ряду, рядом с нами, в числе соавторов, или нет?.. По справедливости, должен. Но не будут ли говорить: «Почему сын Запесоцкого, не доктор и даже не кандидат наук, а просто аспирант — в одном ряду с профессурой?..» Тоже неправильно. Но это наши маленькие внутренние проблемы.

Сегодня здесь присутствует много известных в научном мире людей, я очень рассчитываю на интересные выступления. Хотелось бы по-новому взглянуть на Дмитрия Сергеевича Лихачева, и в нашей книге мы кое-что об этом сказали, хотя ни в коей мере не приблизились еще к горизонтам познания этого ученого. Так, например, один из наших гостей — Борис Константинович Ильин, представляющий электронный портал «Балтийские деловые ведомости». И мне очень это приятно, потому что я буквально сегодня ночью закончил статью с совершенно, казалось бы, экзотическим названием «К вопросу об экономических воззрениях Дмитрия Лихачева», которую собираюсь направить в экономический журнал. Даже для меня самого еще месяц назад такой поворот событий казался совершенно необычным, но сегодня я убежден, что можно говорить и об экономических воззрениях Дмитрия Лихачева. Так, например, обнаружилось, что взгляды демократа, либерала, западника в целом ряде отношений Дмитрия Сергеевича Лихачева в области экономики очень близки с воззрениями академика Львова, сторонника социалистического пути развития в экономике. Все перекликается, и это очень любопытно.

Мы очень далеки еще, конечно, от постижения всего созданного Лихачевым. В связи с этим мне кажется важным добавить, что 20 декабря 2006 года Историко-филологическое отделение Российской Академии наук провело

заседание, посвященное 100-летию Дмитрия Сергеевича. Мне была оказана честь выступить с докладом на этом заседании. И в целом этим высоким собранием были не только одобрены основные тезисы представляемой нами книги, но и наш новый взгляд на Дмитрия Сергеевича Лихачева как на ученого-энциклопедиста. Мы отвыкли уже от появления ученых такого уровня, потому что вся многовековая история науки — это, в основном, история дифференциации научного знания, когда непрерывно у каждого конкретного ученого сужается направление научного поиска.

Сегодня Академия наук считает, что междисциплинарные направления исследований чрезвычайно интересны. И надо сказать, что культурология и ее роль в российской науке очень велика. Она появилась как одно из направлений междисциплинарных научных знаний, когда методологической платформой для исследования, допустим, истории, социальной психологии, социологии, литературоведения была философия. Теперь же целый ряд гуманитарных наук находит свое междисциплинарное взаимодействие, обретаемое именно в широком контексте через соприкосновение с культурологией. Здесь-то и появляется особый концептуальный подход.

Об этом новом методе мы много размышляли с присутствующим здесь нашим университетским ученым Александром Петровичем Марковым. И работы Лихачева позволили нам совершенно по-новому посмотреть на методологию культурологии как науки. Я хотел бы отметить, что здесь присутствует целый ряд крупных ученых, представляющих Санкт-Петербургский государственный горный институт им. Г. В. Плеханова, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технический университет), Русский музей, Ленинградский государственный областной университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (Санкт-Петербургская академия художеств), Российскую таможенную академию, Санкт-Петербургскую академию постдипломного педагогического образования при Правительстве Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский

государственный университет, Санкт-Петербургскую государственную консерваторию им. Н. А. Римского-Корсакова, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Слово предоставляется одному из ведущих петербургских и российских культурологов, заведующей кафедрой мировой художественной культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктору искусствоведения, профессору, Заслуженному работнику высшей школы России Любови Михайловне Масаловой.

Л. М. МАСАЛОВА: — Уважаемые коллеги, книга Александра Сергеевича Запесоцкого и его коллег вызвала живой интерес нашего университета, и особенно — на кафедре теории и истории культуры. Культурологов у нас — 30 человек, плюс еще 28 аспирантов и 6 докторантов. Должна признаться, что когда мы читаем курс по истории культурологической мысли, далеко не всегда там присутствует раздел, посвященный Дмитрию Сергеевичу Лихачеву (я специально просмотрела все версии пособий по истории культурологии). Также я прочитала много авторефератов, посвященных истории культуры России и культурологической мысли, но, к сожалению, и там очень редко мы найдем имя Дмитрия Сергеевича Лихачева. Это, конечно, ненормальное положение. И представляемая нам сегодня книга, безусловно, дает определенный толчок для того, чтобы переосмыслить историю, по крайней мере, российской культурологической мысли.

Проблема самого понятия «культура» в российской традиции связана с художественно-литературной, просветительской деятельностью. В России в свое время было создано много работ по филологии, фольклористике, мифологии, в которых анализировались самые разные проблемы российской культуры, а также истории развития идей о культуре, в отличие от европейской мысли. Однако в учебниках по-прежнему, как правило, больше анализируются работы философов, социологов, этнографов (чаще всего «Отелло» Маргарет Мид и т. п.), чем филологов. В то время как нам, безусловно, очень интересны

работы Дмитрия Сергеевича Лихачева о культуре, так же как и других крупных филологов, например Николая Конрада. Это фигура, сопоставимая по значимости с Гумилевым и Лихачевым. Все они в той или иной степени анализируют развитие культурологических идей в России. Николай Конрад также очень продвинулся в понимании взаимодействия культур на протяжении всей истории человечества, и многое в Азии он сравнивал с тем, что происходило в России в тот же период.

Поэтому мне кажется, что представляемая сегодня книга весьма актуальна, ибо она поднимает российские имена на иной уровень и помогает создать полноценную версию истории культурологической мысли в России. Данная книга интересна и своей структурой. Когда начинаешь рассказывать об идеях того или иного культуролога, конечно, всегда сложно структурировать все наследие. И мне было очень интересно увидеть, что в представляемом сборнике найдена определенная матрица, для того чтобы через нее пропускать научное и культурное осмысление трудов академика Лихачева, которое нам оставили филологи, историки и культурологи.

Во-первых, это знаменитый историко-культурный контекст исследований древних русских текстов. К сожалению, несмотря на кажущуюся общепризнанность этого метода, наличие историко-культурного контекста в описании самых разных исторических феноменов все еще не стало нормой научной жизни. Во-вторых, в новой книге представлена в основных позициях методология исследования Дмитрия Сергеевича Лихачева — идея о том, что универсально гуманитарно подготовленный ученый обязательно придет к целостному пониманию и постижению культуры.

Проблема целостности от Гете, Гумбольдта и до нашего времени — одна из самых интересных и глубоких в культурологии. Речь идет не только о необходимости постижения истории и культуры с позиций рационалистических, но и в контексте целостности культуры, когда в центре внимания должны быть все сущностные силы человека. Тем более интересна концепция составителей сборника работ академика Лихачева, структура

которого подчеркивает необходимость целостного постижения культуры в творчестве ученого. В книге таким образом рассматриваются главные позиции методологического наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева. Особенно интересна тема природы национальной культуры, проблема концептосферы, которая аккумулирует в себе в основных понятиях весь мир российского человека. Проблема концептосферы в истории культуры — одна из самых серьезных и интересных. И замечательно, что она специально поднимается в новом издании, посвященном изучению наследия великого филолога.

Мы уже не раз обращали внимание на то, что для составления истории науки России потрудились не только философы. Активно развивалась гуманитарная культурология, многое сделано и в области филологии. Проблема природы национальной русской культуры, проблема культуры Петербурга — все это, безусловно, чрезвычайно интересно. Если говорить о других разделах, то взаимодействие идей Лихачева и Гумилева — это целая вселенная, почти не изученная современными исследователями. И главное, у нас не различают общество и культуру как субъект и то, что этот субъект создает. Чаще всего, когда мы говорим о наследии Гумилева, поднимаются проблемы этногенеза, а когда речь идет о наследии Лихачева, то встает вопрос о культурогенезе. Это совсем разные истории. И несмотря на то, что давно уже написана диссертация о культурогенезе, до сих не всегда правильно трактуется его суть. Культурогенез обычно понимается как некое начало человека, культуры, общества. А на самом деле — это интересный, захватывающий, сложный процесс соотношения константного и постоянно обновляющегося в культуре.

Именно Дмитрий Сергеевич дал нам возможность развивать идею о том, что культурогенез в России был постоянным и что фигура Петра I в определенном отношении заслонила (об этом, кстати, говорится и в разделе у Юрия Запесоцкого) тот период активного интересного развития культуры, который был и в XIV, и в XV, и в XVI веке.

Пожалуй, с Дмитрием Сергеевичем можно было бы поспорить лишь о том, что он наше средневековье называет древним. Это все-таки не древность.

Мы недавно проанализировали работы по истории культуры авторов разных стран и получили весьма интересные результаты. Представьте, выпускаются учебники о средневековье, где говорится о том, что на одном берегу Дуная германский феодал живет в эпоху средневековья, а на другом — русский князь живет в древности. Викинги же, которые расселяются не так далеко от германцев и промышляют в фьордах Балтии, оказывается, живут в первобытности. Вот такая интересная периодизация, типологизация присутствует в наших учебниках. Несомненно, что Гуманитарный университет профсоюзов дает нам мощный импульс заняться изучением культурологии Лихачева, в том числе и представляемым сегодня новым изданием. Однако при этом стоит все-таки договориться, что мы считаем древностью, а что средневековьем. В этом плане очень интересно было бы посмотреть работы Дмитрия Сергеевича о славянстве как славянской культуре, как предпосылке развития последующих эпох культуры Руси и России.

Мне хотелось бы сказать еще об одной очень важной вещи — замечательно, что сегодня изучается аксиология Лихачева. Когда читаешь его книги, которые называются «О родном», «Земля родная» и другие — это настолько интимно значительно, что вызывает в душе самые светлые, сильнейшие чувства. Поэтому очень важно, чтобы книги Дмитрия Сергеевича читались молодым поколением. Это одна из главнейших задач современности. Радостно, что и сам нравственный облик Дмитрия Сергеевича Лихачева, и воспитательная сила его наследия взяты на вооружение Гуманитарным университетом профсоюзов. Это просто блистательно. Мне хочется поздравить всех присутствующих с такой важной, аксиологической ориентацией.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо большое, Любовь Михайловна. Я надеюсь, что мы в дальнейшем еще много сделаем вместе. Перед нами очень большой фронт работы. Поскольку прозвучало имя Гумилева и был высказан ряд интересных соображений, я хотел бы, чтобы Юрий Владимирович Зобнин сказал по этому поводу несколько слов.

Ю. В. ЗОБНИН: — Видите ли, ни у Гумилева культурогенез не отчуждается от этногенеза, ни у Лихачева культурогенез не сводится только к сфере культуры. Если говорить собственно о Лихачеве, то можно обратиться к его работе «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого», а если рассуждать о культурных реалиях как о симптомах, а точнее, о художественных стилях как о симптомах этногенеза, то все это можно развить в целую статью. Несомненно, что полностью отождествлять методологию Гумилева и Лихачева нельзя. И мы, конечно, не собираемся этого делать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Мне кажется, что различия во взглядах Гумилева и Лихачева вытекали из того, что один больше занимался культурогенезом, а другой — этногенезом. Если с разных сторон посмотреть на российскую историю, то, конечно, они неизбежно расходились. И совершенно точно, по-моему, Любовь Михайловна отметила, что нам надо просто более обстоятельно рассмотреть эту тему. Хочу отметить, что Любовь Михайловна затронула очень интересные вопросы об историко-культурном контексте. Интересно было бы обратить внимание коллег-ученых, школьных учителей, студентов и школьников на тот факт, что историю России можно рассмотреть с разных позиций, под разными углами зрения. Так, один великий исследователь Гумилев смотрел на историю России как на историю этноса, становления этноса, а другой не менее великий ученый Лихачев — как на историю развития культуры. Мы же привыкли к политической истории, и школьные учебники — это, как правило, учебники, в которых сначала рассказывается о политической истории, властителях, дворцовых переговорах, войнах и, если хотите, географической истории этносов, о том, кто, когда и какую захватил территорию. Много говорится и об экономике.

Взгляд Лихачева на историю был иным. Это был взгляд на историю культуры. Именно этот аспект исторического развития у нас явно недостаточно разработан. Хотелось бы, чтобы в школьные учебники истории была добавлена

и история культуры: величайшие достижения, смены культурных пластов, борьба идей, взаимопроникновение культур. Думаю, что в будущем отечественная история и мировая историческая наука будут активно развиваться именно в этих направлениях.

В своем выступлении Любовь Михайловна затронула еще одну очень важную проблему — цельности мира и постижения рациональности. В нашем Университете тоже идет работа в этом направлении, и мы с коллегами часто обсуждаем данную тему. Я хотел бы обратить внимание студентов и школьников на то, что мир можно постичь не только через познание, но и через переживание, через чувственное восприятие, например, предметов искусства. Это также очень важная форма познания.

Ю. В. ЗОБНИН: — Хотелось бы добавить несколько слов о методе хронологического «среза» истории. Понимаете, одно дело просто сказать: «Александр Невский», и совсем другое: «Старший современник Данте Александр Невский». Можно сказать: «Покорение Сибири Ермаком», а можно: «Эпоха великих конкистадоров Писсаро и Ермака», ведь по сути разница лишь в том, что один покорял Латинскую Америку, а другой — Сибирь. Именно эти или подобные им мысли звучат в работах Дмитрия Сергеевича Лихачева. Лев Николаевич Гумилев также говорил о том, что историю нужно изучать, как будто созерцая персидский ковер: здесь один узор, там — другой, третий, здесь — Россия, там — Франция или Соединенные Штаты, но все это нужно видеть в единстве, в том числе хронологическом. Необходим единый метод. Так что здесь все правильно.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вопрос от студентки I курса факультета культуры нашего Университета Борисовой Кати: «В своих исследовательских работах Лихачев рассуждал о месте нашей страны в глобальном мире. Как Вы считаете, какое место в глобальном мире занимает Россия?»

Мое восприятие этих вопросов не расходится с мнением Дмитрия Сергеевича. Лихачев, как известно, считает, что в культурном отношении Россия — это часть Европы, что понятие «Евразия» на нас распространяется географически. Поэтому Россия обретает себя в Европе, ее позиция в мире — это позиция одной из европейских стран. Другое дело, что есть, конечно, некое культурное своеобразие. Будучи по сути европейской, российская культура, скорее, является производной от греко-византийской культуры, а не культуры Древнего Рима. И это качественное своеобразие, отличающее в культурном плане Россию, например, от Англии, Франции, Германии, Италии. Дмитрий Сергеевич говорит, что роль России в мире определяется даже не ее сырьевыми запасами, не военными победами и не географическим могуществом, а нашей великой культурой. И я полностью согласен в этом с ним.

Следующий вопрос от Ивана Шахова, студента юрфака нашего Университета: «Здесь было сказано, что научная деятельность Лихачева до недавнего времени не была исследована в отечественной научной литературе. Чем, на Ваш взгляд, это может быть вызвано, учитывая столь весомым вклад этого человека в современную науку, понимание культуры?»

Думаю, что я неточно выразился. По творчеству Лихачева существует уже около 500 научных работ. Кстати, мы готовим очередное издание, посвященное Дмитрию Сергеевичу, где также будет приведена дополненная библиография Лихачева и куда все эти работы, разумеется, будут включены.

Другое дело, что Лихачев считался, подчеркиваю, литературоведом и историком культуры, а остальные его работы, в том числе о культуре и теоретические работы о педагогике, нравственности, Петербурге и тому подобные считались публицистикой. А это неправильно. Вполне возможно, что и сам Дмитрий Сергеевич не до конца представлял значение своих работ для будущего науки, потому что он был очень скромным человеком и позиционировал себя лишь как литературоведа.

Наиболее значимые работы Лихачева по культурологии были созданы на завершающем этапе его жизни, когда в нашей науке бытовали разброд и

шатание. Не было времени оценить их. В 1990-е годы, наверное, это было уже возможно, но отечественная наука не была готова это сделать, поглощенная иными, порой, суетными заботами выживания. Поэтому работы Лихачева, конечно, очень высоко оценены в отечественной науке, но изучены не до конца, и сегодня мы открываем новые грани его научных трудов, новые очень важные аспекты известных проблем.

Следующий вопрос очень любопытный, но, к сожалению, без подписи: «Если бы Лихачев был жив, что бы Вы у него спросили, что бы оспорили и что поддержали в его трудах?»

Столько лет занимаясь изучением трудов Лихачева, я стал, конечно, апологетом Лихачева, и к 99 % сказанного им мне бы очень хотелось присоединиться. Однако, знаете, как у Пушкина: «Муза посидела немного и ушла...», а так хотелось бы, чтобы эти мысли были моими. Я, кстати, неплохо отношусь к плагиаторам. Считаю, уж если они оценили чьи-то хорошие мысли, это уже неплохо. О чем хотелось бы поспорить с Дмитрием Сергеевичем?.. Скорее, хотелось бы у него кое-что спросить, то, что раньше не сумел. Поэтому я и сейчас сожалею, что не был подготовлен к встрече с Лихачевым. Например, мне хотелось бы уточнить его позицию относительно того, что он считает в нашей культуре, характере, менталитете специфически российским и что является европейским. Кроме того, есть некоторые вещи, которые непривычно звучат для ученого. Например, Дмитрий Сергеевич Лихачев говорит, что соборность — это европейское качество, в то время как в традициях русской философской и общественной мысли считать, что соборность — это специфически российская черта. Я также считаю, что это специфически российское. И здесь очень хотелось бы не столько поспорить с Дмитрием Сергеевичем, сколько уточнить, что он думает.

Дмитрий Буланин, который работал с Дмитрием Сергеевичем некоторое время и даже, возможно, считал себя его учеником, как-то написал к его юбилею статью, на которую Лихачев неожиданно очень обиделся и дал отзыв, вступая в спор с автором публикации. И что же вызвало гнев Дмитрия

Сергеевича? Буланин назвал Лихачева «проповедник». В мемуарной литературе, например в сборнике «Эпоха Лихачева», до сих пор пытаются анализировать эту тему. Однако убедительного ответа нет. Я тоже не могу понять, почему Дмитрий Сергеевич обиделся на Буланина. Ответ Лихачева был примерно такой: «Я не проповедник, я человек дела. Я делаю дела, а не занимаюсь проповедями».

Что обидного в слове «проповедник», мне не совсем понятно. Может быть, дело в том, что оно имеет некий мистический, религиозный оттенок?.. Однако то, что Лихачев Учитель с большой буквы — это для меня несомненно. Есть целый ряд работ, которые позволяют рассматривать Дмитрия Сергеевича и как одного из ведущих российских педагогов. Он был блистательным учеником, что тоже надо проанализировать.

Полагаю, каждому россиянину надо почитать Лихачева и посмотреть, как этот великий человек учился и чему, что он брал от своих учителей. Поэтому я не буду рассказывать сейчас, кем был Лихачев. Я хотел бы, чтобы вы сами почитали об этом человеке, тем более что сейчас очень много литературы посвящено ему. Понимаете, какая-то работа человеком всегда должна быть проделана самостоятельно. Например, в приложениях к представляемой сегодня книге очень подробно написано, кем был Лихачев. Но есть много и других хороших книг, которые стоит почитать.

Скажу только, что Лихачев — это личность, которой, на мой взгляд, естественно интересоваться для каждого молодого человека, вступающего в жизнь. В самой судьбе этого человека можно увидеть рецепты, как стать по-настоящему великим и остаться в мировой истории. Думаю, что я ответил на заданный мне вопрос.

Слово предоставляется профессору Санкт-Петербургской академии театрального искусства Георгию Александровичу Праздникову, крупному петербургскому ученому, критику, специалисту в области философии и эстетики. Длительное время он работал проректором по науке в Театральной академии и в нашем Университете.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ: — Представляемые сегодня книги кажутся удивительно своевременными. Их не просто интересно читать, анализируя какие-то теоретические положения, они очень волнуют, задевая самые тонкие струны души. Даже не припомню, когда я так волновался при чтении научной работы. Полагаю, что эта своевременность и живость обусловлена двумя обстоятельствами. Первое связано непосредственно с личностью Дмитрия Сергеевича.

Начиная с 1958 года, года я учился на I курсе, Дмитрий Сергеевич оказался в орбите моих человеческих и научных интересов, потому что очень близкие мне люди были знакомы с ним. Впервые я оказался участником интереснейшего разговора, в котором центральное место занимал Дмитрий Сергеевич, летом 1963 года на даче у профессора Бориса Ивановича Бурсова. Речь шла о скандальном выступлении Александра Александровича Зимина — выдающегося историка, покойного ныне, который высказал иную трактовку «Слова о полку Игореве». Это не было опубликовано, и Дмитрий Сергеевич рассказывал нам об этом. Кстати, Даниил Александрович Гранин тоже присутствовал на этой встрече.

Так впервые в жизни мне довелось пообщаться с Дмитрием Сергеевичем. Этот человек уже тогда был легендой, и казалось почти нереальным, что я его близко вижу и разговариваю с ним. И поэтому то, с чего начинается Александр Сергеевич свою книгу, с некоторой невостробованности сегодня Дмитрия Сергеевича, вызывает столь живую реакцию. Думаю, эта невостробованность связана с тем немислимим пиететом, за которым уже теряется реальный человек. Так, например, только за последний месяц мне дважды удалось встретиться с фразами, подобными следующему раздраженному высказыванию: «Назначенный совестью современной России академик Лихачев...» Недавно вышел словарь-справочник понятий литературного процесса Сергея Чуприна, где он в том числе рассуждает о брендах и штампах, за которыми уже теряется реальность. Например, «Катерина — луч

света в темном царстве», «Пушкин — наше все», «Лихачев — совесть России» и т. д. Однако Дмитрий Сергеевич заслуживает иного, более глубокого и всестороннего анализа, такого, как в представляемой сегодня книге А. С. Запесоцкого.

Современная наука — это коллективное знание. Сегодня трудно себе представить энциклопедиста, как говорил Александр Сергеевич Запесоцкий во вступительном слове. Однако по-прежнему существуют теория относительности, квантовая механика, неевклидова геометрия и тому подобное, что не могут вписаться в бюрократические рамки НИИ, КБ и пр. Любое открытие начинается с человека: космический корабль должен возникнуть в голове Сергея Павловича Королева, и только потом за разработку этой идеи берется коллектив. То, что создал за свою жизнь Дмитрий Сергеевич Лихачев, не в состоянии сделать десятки институтов. Такой же ясной головой обладал и Николай Иосифович Конрад, которого вспомнила Любовь Михайловна.

Особенно ценно, что в представляемой сегодня книге речь идет и об историке Лихачеве, и о филологе Лихачеве, и об интеллигенте Лихачеве, и о Лихачеве, участвующем в политической жизни. А сейчас Александр Сергеевич Запесоцкий написал статью об экономических взглядах Дмитрия Сергеевича. Все это должно создать целостный образ великого ученого России.

Мне кажется, что главная особенность метода Лихачева — это культурологическая целостность. И здесь я придерживаюсь тезиса Юрия Владимировича Зобнина, который Александр Сергеевич Запесоцкий оспаривает в своей книге, но, как ни странно, само это издание доказывает правоту данного положения. Вся книга направлена на то, чтобы доказать — Дмитрий Сергеевич всегда был культурологом, хотя сам он это слово, по-моему, никогда не употреблял.

Издание 1953 года «Слова о полку Игореве» в переводе Лихачева — по-моему, лучшее из всех прозаических переводов «Слова...». И несмотря на то, что во вступительной статье, отдавая дань времени, Дмитрий Сергеевич цитирует Сталина, утверждая, что только после классической работы

«Марксизм и вопросы языкознания» можно было по-настоящему перевести «Слово...», это все-таки настоящая, серьезная, глубокая культурологическая работа.

Мне также хотелось бы сказать несколько слов о состоянии современной гуманитарной мысли. Я несколько иначе отношусь к постмодернизму, чем Татьяна Ефимовна Шехтер, которая даже Дмитрия Сергеевича включила в этот контекст. Понимая все позитивные стороны, которые есть в постмодернистской теории, думаю все же, что Дмитрий Сергеевич придерживался как раз антипостмодернистской ориентации гуманитаристики. Если в постмодернизме провозглашается смерть автора, и Роллан Барт говорит, что вместо автора правильнее употреблять слово «скриптер» — средневековый переписчик, то особенность Дмитрия Сергеевича, что для него средневековый переписчик — скриптер, автор — живой человек. И об этом прекрасно сказано в книге, представленной нам сегодня Александром Сергеевичем Запесоцким.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Татьяна Ефимовна Ваш единомышленник в этом плане, она также считает, что Лихачев не был в контексте постмодернизма.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ: — Я ни в коем случае не хочу вступать в полемику с Татьяной Ефимовной Шехтер, мы давно дружим и понимаем друг друга. Мне представляется, что эта ориентация, заявленная книгой, сейчас очень важна.

Мне не очень интересны, признаюсь, постмодернистские теории, но кто-то их придерживается, кто-то работает в этом контексте. Однако в современных работах совершенно исчезло то живое человеческое начало, которое так важно было для Дмитрия Сергеевича. Даже язык отражает данную проблему. Например, в Вашей книге, Александр Сергеевич, мне не понравилась формула «отягощенный нравственным культурологическим дискурсом»... Дмитрий Сергеевич так бы не написал. Просветленный нравственным началом, имеющий нравственное основание, но не «отягощенный культурологическим

дискурсом»... А вот то, что в создании новой книги о Лихачеве принимает участие молодой ученый — Юрий Запесоцкий, — замечательно. Радостно, что он мыслит в том же ключе, в том же контексте, в рамках тех же традиций, в которых мыслил замечательный человек Дмитрий Сергеевич.

В ранней новелле Томаса Манна «Тонио Крёгер» есть слова: «Святая русская литература». Вся свою жизнь Томас Манн прожил с этим представлением о русской литературе. Не хочется выглядеть «квасным» патриотом, но я думаю, что «святая русская литература» — это даже не синоним «великой русской литературы». Может быть, английская или французская литература и более великие, чем русская, но сказать: «Святая английская литература» или «Святая французская литература» невозможно. Это — состояние души нации, и Дмитрий Сергеевич это понимал.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Большое спасибо, Георгий Александрович. Блестяще сказано. Должен сказать, что я настойчиво искал у нас в Университете хотя бы одного сторонника постмодернизма и, к сожалению, ни одного не нашел, хотя, как мне кажется, в науке должны быть разные мнения. Мы сейчас с профессором Шором заняты работой по созданию раздела книги, условно названного «Дмитрий Лихачев и постмодернизм». Конечно, Дмитрий Сергеевич ни малейшего отношения к постмодернизму не имел.

Позвольте сказать несколько слов и по поводу «отягощенности дискурса». Признаюсь, что я долго размышлял, прежде чем так написать. Но слово «отягощенный», от слово «тяжесть», а это не всегда плохо в русском языке. Когда про женщину говорят: «Она в тягости, она понесла», ведь это же большая радость в жизни человека. Поэтому тяжесть у меня ассоциируется с весомостью, это антитеза легковесности, но я готов об этом поспорить.

Следующий вопрос от О. А. Федотовой, доцента кафедры истории нашего Университета: «Если мы считаем столь важными проблемы сравнения истории и культуры России со странами мира, то почему в нашем вузе так мало внимания уделяется всемирной истории?»

Должен сказать: только потому, что есть государственные стандарты и нормативы, которые ограничивают число аудиторных занятий. Пожалуйста, давайте студентам на самостоятельную работу серьезные задания. Кроме того, Университет готов факультативно вводить часы для работы со студенческими кружками и научными обществами. Я очень советую кафедре истории этим заняться.

Вопрос безымянного автора (он забыл представиться в записке): «Расскажите, пожалуйста, насколько критично Дмитрий Сергеевич относился к взаимопроникновению культур. Как европейская культура повлияла на своеобразие русского национального духа?»

Дмитрий Сергеевич одним из важнейших событий в истории культуры России считал приобщение к христианству. Вторыми по значимости в истории он, пожалуй, считал Петровские реформы. Он рассматривал их не как поворот, а как ускорение в культурном развитии России в направлении европейского вектора — вслед за Европой в культуру нового времени. Для него Петровские реформы — это переход из средневековья к культуре Нового времени. Взаимопроникновение культур Дмитрий Сергеевич считал важнейшим условием развития любой культуры. Он полагал, что культуры не должны бояться диалогов, потому что только в диалоге может быть настоящее развитие собственной культуры. В изоляции Лихачев видел смерть для культуры, остановку в ее развитии. Но об этом мы уже сегодня упоминали.

Слово предоставляется Марине Георгиевне Козыревой, директору Музея Льва Николаевича Гумилева.

М. Г. КОЗЫРЕВА: — Практически все, что мне хотелось сказать, уже было произнесено. Добавлю лишь, что представляемая сегодня книга, безусловно, очень интересна, и ее еще надо осмысливать и осмысливать. Не так легко сразу вычленить, с чем ты полностью согласен, а с чем нет. Могу только сказать, что наибольшее впечатление на меня произвела статья о Лихачеве и Гумилеве. Интересно, что я узнала о выходе этой книги, где будет статья о

Лихачеве и Гумилеве, в тот день, когда мы открывали в Музее выставку под названием: «Свидетели века: Лихачев и Гумилев». Конечно, это маленькая выставка, у нас и музей-то небольшой, поскольку размещается он в квартире Льва Николаевича Гумилева. Но это очень интересная тема, потому что судьбы и деятельность Льва Николаевича и Дмитрия Сергеевича шли как бы параллельно, то пересекаясь, то расходясь. Это два человека, которые удивительно уважительно относились друг к другу, несмотря на расхождения во многих вопросах.

Более всего меня порадовала в статье Александра Сергеевича и Юрия Владимировича мысль о том, что Лихачев — не закоренелый «западник», а Лев Николаевич Гумилев — не узкий «евразиец». В заключение хочу пригласить всех присутствующих к нам на выставку. Мы представляем массу документов, которые показывают, что судьбы этих двух великих людей с самого детства шли в большой степени параллельно по отношению не только к семье, но и к учителям в гимназиях, к окружающему миру и др. И даже трагические события в их жизни словно перекликались, хотя у Дмитрия Сергеевича был лишь один арест, а у Льва Николаевича — четыре. Какой-то общий характер, или воспитание, или пылкий интерес к жизни, к тому, что происходит вокруг, приводило к этому. И даже в этих нечеловеческих условиях они продолжали заниматься изучением окружающего мира: Дмитрий Сергеевич, например, находясь в Соловках, изучал картежные игры уголовников. Это была настоящая научная работа. Позже он написал статью о признаках примитивизма в блатном языке. А Лев Николаевич написал в Норильске историческую статью на блатном языке: «История отпадения Нидерландов от Испании». И это также была научная работа.

Кроме того, свою первую статью Лев Николаевич подарил Дмитрию Сергеевичу, что говорит об их давней дружбе. Одну из последних своих книг и самую известную — «Этногенез и биосфера Земли» — он тоже подарил Дмитрию Сергеевичу с дарственной надписью. Точно также Дмитрий Сергеевич дарил ему свои книги. Сохранилось, например, письмо, где Дмитрий

Сергеевич пишет: «Дорогой Лев Николаевич, как жаль, что мы живем на разных полюсах нашего города, и поэтому мы не часто с вами видимся».

Воспоминания о лагерной жизни отразились не только в творчестве, но и в мирной жизни этих двух великих людей. Так, у Льва Николаевича в столе лежала шутивная записочка: «Начальник шмонает, клади на место и книг не кради!», потому что у него постоянно что-нибудь пропадало. Но все это лишь малая часть того, что можно рассказать об отношениях Лихачева и Гумилева.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Александру Борисовичу Гуркину, заведующему кафедрой истории России, культуры и науки Санкт-Петербургского технологического института (Технического университета).

А. Б. ГУРКИН: — Сегодня уже упоминался термин «дискретность». Я принадлежу к числу тех людей, которые считают, что одной из отличительных черт русской культуры является дискретность. Другое дело, как к этому относиться. Дискретность не появляется из ничего, она является следствием географического положения, специфики исторического развития. Если рассматривать концепцию Тойнби о развитии цивилизации и появлении таких явлений, как вызовы и ответы, то дискретность можно трактовать как ответ на тот исторический вызов, который претерпела русская цивилизация. Беда же русской культуры заключается в том, что в силу своего географического положения между Востоком и Западом этих вызовов было слишком много. Таким образом, дискретность является следствием целого ряда причин.

Принятие христианства — это тоже дискретность, удар по языческой культуре; появление монголов — тоже дискретность, совершенно новые исторические условия для страны, к которым нужно было приспособливаться. Как бы мы ни рассматривали отношения Руси с Ордой, пусть даже Гумилев отрицает ордынское иго как таковое, но он же не отрицает, что дискретность появилась, потому что он говорит, что возник союз. Так или иначе создаются качественно новые исторические условия, к которым должна приспособиться

культура, и это влияет на нее. Весь XVII век — это подготовка к Петровским реформам, которые также привели к дискретности. Бердяев даже сравнивал Петра I с большевиками, он говорил, что стремление к насильственному изменению цивилизации — чисто большевистский подход к делу. Революция 1917 года — это тоже дискретность. И в наше время перемен мы также наблюдаем элементы дискретности. Это не случайно — это следствие исторического развития.

Новые исторические условия, затянувшийся переходный период, несомненно, влияют на развитие культуры. И в условиях «смутного времени», затянувшихся, не совсем последовательных реформ всегда происходят какие-то столкновения в силу изменения ментальности. Низшие формы культуры, будучи примитивными и агрессивными, всегда всплывают, и мы это чувствуем.

Как это ни парадоксально, но именно в переходное время, когда особенно нужно поддерживать и развивать культуру, появляются люди, которые говорят: «А зачем вообще в нашей стране преподают культурологию?» И мотивируют свое мнение тем, что на Западе, например, в ведущих университетах нет такой дисциплины, как культурология. Они не допускают мысли, что это наше достижение, что Запад должен многому у нас учиться, а не только мы у него.

Пользуясь случаем, хочу сказать, что сам факт обращения к такой фигуре, как Лихачев, который преодолел в своем развитии дискретность нашего времени и был носителем лучших традиций русской культуры, знаменателен. И то, что о человеке, который преодолевал дискретность времени, написали именно культурологи и именно в таком контексте — просто замечательно. Появление этих книг, несомненно, не рядовое явление, я бы даже сказал знаковое. Поздравляю авторов с большими успехами!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Александр Борисович, спасибо большое, за лестную оценку наших скромных трудов. Думаю, личность может восприниматься как явление дискретное, но рядом нет ничего подобного. Когда начинаешь разбираться, оказывается, что дерево из чего-то

выросло, — и Лихачев из чего-то вырос. А когда спилили дерево, возникает дискретность. Но это мое личное ощущение, поэтому я бы предложил вам в качестве ответного тезиса для диалога и для раздумий следующее соображение: дискретность как катастрофа в культуре, дискретность как культурная катастрофа. Мы обязательно это обсудим в следующий раз.

Слово предоставляется Константину Владимировичу Романову, профессору кафедры философии Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования Комитета образования при правительстве Санкт-Петербурга, доктору философских наук, Почетному работнику высшего профессионального образования России.

К. В. РОМАНОВ: — Мне не довелось быть лично знакомым с Дмитрием Сергеевичем, в отличие от многих выступавших сегодня. С 1980-го по 1986 год я работал в аппарате Бориса Борисовича Пиотровского. Отношения у Эрмитажа с обкомом партии, как и у Пушкинского Дома, были непростые, поэтому личные контакты приходилось строить очень избирательно.

В мою жизнь Лихачев ворвался в начале 1990-х годов, когда случились страшные потрясения, известные как «перестройка». И я глубоко благодарен Гуманитарному университету за ту прекрасную атмосферу свободы мысли, которая сложилась там и помогла русской интеллигенции пережить эти события. Потом меня приютил Комитет по образованию, где идеи Лихачева сыграли для меня очень большую роль. И сегодня я могу с уверенностью сказать, что, вне всякого сомнения, для учителей города, а у нас их около 62 тысяч, Лихачев — это знамя, символ нашего города, нашей культуры.

О Лихачеве у меня только одна работа — «Лихачев и духовность», она вышла в журнале «Альма Матер» (2006, № 12) в Москве. Мне удалось сделать то, что выпало из поля зрения большинства исследователей творчества Дмитрия Сергеевича, — обратить внимание на десять заповедей человечности, как в Гуманитарном университете профсоюзов — на заповеди гуманности. Я

понимаю, что эти заповеди очень непросты в комментариях в силу сложившейся сегодня ситуации. Во всяком случае, я свой долг по отношению к Дмитрию Сергеевичу этой публикацией, наверное, выполнил.

Если говорить о представляемой сегодня книге, то она на 100 % себя уже оправдала. И как вариант третьего издания, которое, видимо, скоро выйдет, думаю, она уже состоялась на 36 %, так же как материал для учебного пособия для студентов вузов и для школьников. Комитет образования, конечно, очень заинтересован в том, чтобы Лихачевские чтения в рамках Дня культуры или как самостоятельные чтения в городе состоялись.

Думается, что сегодня для обсуждения особенно важны три вопроса, которые частично рассматривались всеми предшествующими авторами. Первое — это адресат, для кого книга, кому она адресована, и ситуация, в которой она вышла. Что сегодня дает нам эта книга? Мне представляется, что данное издание очень востребовано и актуально в связи с теми процессами, которые мы наблюдаем в культурной жизни страны.

В этой книге я для себя сделал несколько открытий, на многое стал ссылаться, с какими-то вещами готов поспорить. Несомненно, что и для культурологов она очень интересна.

Второй очень серьезный вопрос — жанр и качество издания. Мне кажется, что в данном случае качество весьма высокое, но хотелось бы, чтобы второе издание было в твердом переплете. Впрочем, я понимаю, что здесь есть определенные трудности... Так, Академия до сих пор вынуждена издавать все в мягком переплете, причем не в глянцевом, как у вас, а в обычном, бумажном. Но что поделаешь, таковы экономические условия. Однако если есть возможность, то лучше, конечно, в твердом переплете, потому что книга будет дольше работать и в библиотеках, и у читателя.

Что касается жанра, то это, вне всякого сомнения, монография с элементами эссе, которые очень важны для распространения книги. Мне кажется, что в следующих тиражах надо даже усилить элемент эссе, беллетристики и всего, что связано с языком журналистики. Думается, что язык

должен быть проще, апеллируя к требованиям самого Лихачева. Помните, он говорил о наукообразности и науке. По его мнению, высокая, серьезная наука всегда говорит самым простым языком. Как правило, когда мы используем слишком сложную терминологию, это означает, что либо мы говорим в очень узкой аудитории специалистов, либо сами еще в чем-то не разобрались.

Если говорить о жанре книги шире, то на основе этой монографии получится, думаю, очень хорошее учебное пособие, пригодное как для старшеклассников, так и для студентов гуманитарных вузов.

Третий, самый серьезный вопрос, о котором в основном и говорили все выступающие сегодня, — это, конечно, содержание книги. «Великий русский культуролог...» «Русский» — да, хотя можно было бы и спросить, а почему не российский?.. Это еще одна тема для размышлений. «Великий» и «культуролог» — тоже ко многому обязывают. Для того чтобы разобраться в этих вопросах, наверное, надо вспомнить, что такое культурология и что такое величие.

Культурология у нас в ВАКе идет под шифром 24001 и 003 — это теория и история культуры. Есть и еще одна область, о которой сегодня никто не упоминал — музееведение, реставрация, охрана памятников (это шифр 03). Мне бы хотелось, чтобы этим занялись, раз уж взялись за столь серьезное дело. То, что вы пишете про стиль, про искусство, которым в стенах Гуманитарного университета я пять лет занимался, это прекрасно. Но куда же ушла тема охраны памятников? Ведь Лихачев сыграл гигантскую роль именно в охране памятников, что нередко звучит в воспоминаниях о нем. Это никак теоретически не осмысленно. Другая ветвь, которая требует разработки, — музееведение. Да, по музееведению Лихачев, может быть, специальных трудов и не писал, но оставил очень большую память о себе в этой области. Почему же в вашей работе даже в разделе, посвященном искусству, никак не использована книга Лихачева «Сады и парки...»? Это же и для охраны памятников, и в теоретическом плане очень серьезная вещь. Наверное, стоило бы над этим задуматься.

Возвращаюсь к термину «великий». Собственно, почему он великий, из книги как раз и не видно... Для меня он, вне всякого сомнения, великий человек и ученый, но — поймите правильно — из данной книги этого не понять. Чем термин «великий» отличается, что можно противопоставить ему? Например, с кем можно сопоставить Лихачева? Я бы более смело сопоставлял его с Лотманом, великим русским филологом и культурологом, и с этим никто спорить не будет. Кроме того, я бы смелее проводил сопоставление и с Гумилевым. Конечно, он культуролог! Да, занимался этногенезом, но разве это не культура?! Был ли культурологом академик Пиотровский?.. У них всех были очень интересные, специфические отношения. Пиотровский называл Эрмитаж историей памятников материальной культуры. Я работал с ним шесть лет, и его культурологическое мышление для меня говорит, что он был великий культуролог, хотя трудов в этой области и не оставил. Можно ли его причислить к великим советским культурологам, тоже интересный вопрос. Можно ли сюда причислить Кагана, Эльмара Соколова?..

Каган, например, великий культуролог или нет? Выдающийся, вне всякого сомнения. Все мы с ним много лет были знакомы, читали его книги, из которых самая гениальная последняя — «Метаморфозы бытия». Но ведь две трети этой книги и есть культурология. Да, несомненно, он философ, но две трети его последней книги — это его духовное завещание, это культурология. Так можно ли его ставить в ряд великих российских культурологов или нет?..

Можно ли как-то соотносить идеи Дмитрия Сергеевича и госпожи Иконниковой, например, которая еще десять лет назад мне говорила: «Я занялась биографическим методом». Вышли уже многие очерки по истории культуры, причем очень интересные. Почему же тема биографического метода по отношению к Лихачеву до сих пор не приенена? Ведь собран огромный материал с потрясающими фактами! Почему бы это не оформить в особый раздел — биографический метод при изучении проблем культурологии — и не соотнести с какими-то именами, в том числе и современных культурологов?..

Гуманитарный университет профсоюзов взял на себя миссию защищать культурологическое наследие Лихачева в эти очень тяжелые десять лет. А кто такой культуролог? Что это за профессия? Учитель мировой художественной культуры (МХК) в школе — культуролог, учитель истории культуры Петербурга — культуролог, а преподаватель культурологии в вузах страны сейчас переживает не лучшие времена из-за все большей прагматизации жизни общества.

Кто, кроме них, еще культуролог? Может быть, это историк и филолог, которые, как и Лихачев, пытались целостно размышлять о лингвистике, об истории и т. п.? Может быть, это вообще любой специалист, который занимается созиданием в рамках культуры на какой-то определенной почве? Например, на почве внедрения идеалов в жизнь... Эта версия мне нравится больше всего. Думаю, что Лихачев был именно таким культурологом. И представляемая сегодня книга Александра Сергеевича Запесоцкого много бы выиграла, если бы в ней поднимался вопрос о практической миссии культурологии Лихачева.

Культуролог — человек, который изменил нашу общественную жизнь, наше гражданское сознание. Для меня каждое выступление Дмитрия Сергеевича на телевидении — драгоценно. Оно как набат. Он нам оставил огромное наследие, в том числе и виде своих выступлений. Это и есть практическая культурология.

Понятно, что исток культурологии — история, но в чем ее значение? Что она дает журналистике? Что она дает интеллигенции как определенному социальному слою? Что она дает врачу, химику и другим образованным людям? Самые интересные беседы по культурологии обычно бывают не с лингвистами, не с филологами, не с историками, а с математиками. В их среде — больше всего дискуссий, вопросов. Да, они говорят о культуре языком числа, но логика у них культурологическая. Было интересно, мне кажется, выделить и этот сюжет.

Важно было бы, мне кажется, в следующих изданиях поговорить и о таком феномене, как культура старости и старения. Это очень интересное явление. Обычно пишут о психологии старения, а вот культура людей, которым за 70, остается в тени. Наблюдая за людьми этого возраста, я восхищаюсь многими из них и, конечно, Дмитрием Сергеевичем. Какое достоинство, какое умение, какая манера! Мне представляется, что книга бы много выиграла, если бы во второй, прикладной части, где речь идет о педагогике, высказываемые идеи были бы больше связаны с самими текстами Лихачева. Кроме того, почему бы не сделать и такой раздел, как культура учительства? Сегодня здесь не раз звучала мысль, что Лихачев — великий учитель для нас всех. Так почему бы не связать этот разговор с учителем в сегодняшней школе? Ведь интерес к этому сразу бы повысился.

Думается, надо больше уделить внимания и теме, которая в трудах самого Александра Сергеевича звучит очень часто, — культуре образования и культуре семьи. Может быть, поговорить о семье самого Лихачева. О культуре его школ или, например, о школе Майя, в которой он воспитывался и т. п.

На мой взгляд, тайна культуры — это тайна жизни. И Лихачев, вне всякого сомнения, в эту тайну жизни вносил свое главное оружие под названием «загадка слова». И в этой загадке он для нас остается непостижим. Успеха авторам в разгадывании этого самого удивительного феномена.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Константин Владимирович! На некоторые из Ваших тезисов мы постараемся ответить в следующих изданиях. Почему великий? Думаю, что вторую книгу мы выпустим без «великий» в названии, но постараемся сделать так, чтобы из текста самой книги было видно, что великий, чтобы было понятнее. Почему русский? Конечно, научные «корни» Дмитрия Сергеевича из изучения Древней Руси, поэтому он сначала русский, а затем уж российский культуролог. Кроме того, российский ведь необязательно русский, а русский — обязательно российский. Мне хотелось подчеркнуть именно научное происхождение Дмитрия Сергеевича этим

названием. Очень много интересных замечаний, которые мы будем осмысливать и обязательно обсудим.

Т. Е. ШЕХТЕР: — Начну с маленького отступления. Не являясь апологетом постмодернизма, хочу сказать два слова в его защиту. Уважаемые коллеги, слушатели, друзья, студенты! Это состояние культуры, в котором мы пребывали четверть века. Это культура, в которой работали Делёз, Дерида, Батай, Бадрияр, Лиотар — крупнейшие ученые. Да, они отказались от истины, от идеи автора, для того чтобы уйти от проблем. Но хочу напомнить, что именно проблематика постмодернизма выделила культурологические проблемы, связанные с наследием великих деятелей культуры и науки. Более того, постмодернизм — это маленькая репетиция глобализации. И то, что мы сейчас думаем о постмодернизме, как мы к нему относимся, — это тот опыт и та школа, на которые мы будем опираться в дальнейшем.

Студентка II курса факультета искусств нашего Университета Оля Пескишева спрашивает нас о природе страха и его роли в творческой деятельности, а также о природе творчества.

Существует огромная философская традиция, объясняющая эту проблему. Страх — это творческое состояние, это когда вы спрашиваете, сталкиваетесь с тем, что превосходит ваши возможности, но вам это жизненно необходимо, вы должны с этим справиться, и поэтому страх означает призыв.

Фактически, это формула любого творчества. Вспомните 7-ю симфонию Бетховена: «Так судьба стучится в дверь»... Если сказать еще более кратко, то страх — это вызов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Я бы про страх так не ответил, как Татьяна Ефимовна. Может быть, одна из немногих вещей, которые у Лихачева мне не понравились, это его размышления о происхождении искусства от страха. Мне не нравится мысль о том, что искусство происходит от страха, но не буду спорить с этим.

Слово предоставляется Александру Петровичу Маркову, одному из крупнейших петербургских ученых, профессору нашего Университета, доктору культурологии, доктору педагогики.

А. П. МАРКОВ: — Позволю себе небольшое критическое замечание по поводу представляемой книги. Если смотреть на разделы монографии как на некую иллюстрацию культурологического метода, то, на мой взгляд, почти не представлена одна из существенных линий этого метода. Я глубоко убежден, что культурология — это не слово понимающее, не слово познающее, а слово творящее. И обратите внимание, сколько раз Дмитрий Сергеевич обращался к этому таинственному слову, к этой таинственной фразе, с которой начинается Евангелие от Иоанна: «В начале было слово». Вот где истоки выбора словесности. Понять, как слово творит эту реальность. И эта линия в методе Дмитрия Сергеевича, с одной стороны, роднит его с лучшими представителями русской философско-гуманитарной мысли, с другой — вписывается в контекст западной философской мысли, которая, собственно, и обосновала концептуально метод культурологии. Я имею в виду работы Касевера.

Заслуга Александра Сергеевича Запесоцкого, на мой взгляд, состоит в том, что, подключив все возможные и невозможные ресурсы, он делает попытку часть текстов академика сделать явлением живой культуры.

Я убежден, что проблема современной духовной катастрофы не в том, что рухнула экономика и у кого-то мало денег, а в том, что исчезла вера в сердцах людей. Поэтому вера академика Лихачева в русскую культуру, его любовь к ее прошлому и вера в ее будущее расширит пространство веры и в наших сердцах. Как мы знаем, «по вере воздастся».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Александр Петрович. Следующий вопрос из зала от пенсионера Михаила Александровича (фамилия не указана): «Александр Сергеевич, не могли бы Вы содействовать популяризации работ

Лихачева по телевидению, преподнося их в доступной форме. Действительно, работы Лихачева знает лишь узкий круг специалистов, студентов и т. д.».

Михаил Александрович, я бы рад, но не могу, потому что меня на телевидение не пускают, и это неспроста. Тем более с популяризацией идей Дмитрия Сергеевича. В нынешней российской действительности Лихачев опасен для современной власти. По-моему, в сегодняшней власти есть всего два человека, которые искренне хотят, чтобы в стране знали Лихачева: это Владимир Путин и Валентина Матвиенко.

Много раз я сталкивался с администрацией разных уровней, пытаюсь распространять идеи Лихачева в школы и т. п. Чиновники воздвигают фантастические препоны. Указ Президента «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» — уже второй, между прочим, — практически полностью не выполнен или выполнен, может быть, на 10 % от того, что можно было бы сделать.

Александр Петрович правильно сказал: «Дмитрий Сергеевич нес не только знания в себе, но и веру», а вера ныне планомерно убивается. Идет «идиотизация» старшей части телезрителей и молодежи с помощью ТНТ и таких программ, как «Дом-2», шоу Петросяна и т. п. Вот что сегодня нужно, и это не случайно.

Следующий вопрос от Эдуарда Левченко, представляющего Дипломат.ру: «Абсолютно разделяю возмущение Дмитрия Сергеевича на слово “проповедник”, это слово ближе к болтуну, а не к человеку творчества. Да, вспомните Владимира Высоцкого: “в угодники идут легко, в пророки — неохотно”».

Мысль интересная, хотя я обращаю ваше внимание на то, что в пророки идут неохотно, потому что пророков сжигали на кострах во все времена. Пророком быть опасно, проповедником — необязательно. Об этом надо подумать.

В заключение, позвольте мне зачитать записку с репликой из зала: «Огромное спасибо за вашу книгу. Вечное “О, времена, о, нравы!” заставляет

постоянно задумываться, переживать и отвечать на вопросы своих думающих учеников. Лихачев сплачивает всех, и класс затихает, когда говоришь о нем. Я думаю, что эта книга — прекрасный помощник для реализации петербургской концепции образования. С уважением, учитель истории гуманитарной гимназии № 498 Ковалева Ирина Петровна».

Спасибо большое за эту записку. Как вы понимаете, пишем мы такие книги не потому, что нам кто-нибудь за это заплатит деньги, а потому, что считаем, что есть нравственная и научная необходимость подобного издания.

Я очень рад, что здесь сегодня вместе с учителями и студентами есть школьники. В этом — будущее идеи Лихачева. Ведь самое лучшее, что можно сделать по отношению к памяти достойного человека, — это не хранение пепла, а поддержание живого огня его мысли.